

ЩЕРБА А. Д.

**ПРИЕМ ПРОПУЩЕННЫХ АССОЦИАЦИЙ
В РАССКАЗЕ Е. И. ЗАМЯТИНА «ЛОВЕЦ ЧЕЛОВЕКОВ»**

Аннотация. В статье описывается прием пропущенных ассоциаций и раскрываются его возможности для более глубокого осмысления идеи художественного текста посредством сотворчества автора и читателя. В результате анализа рассказа «Ловец человеков» Е. И. Замятина было выявлено, что использование приема пропущенных ассоциаций способствует точному выражению идеи произведения через достраивание читателем мысли, намеренно упущенной автором.

Ключевые слова: прием, ассоциация, пропущенная ассоциация, рассказ, художественный прием, идея, сотворчество автора и читателя.

SHCHERBA A. D.

**THE USE OF MISSED ASSOCIATIONS TECHNIQUE
IN THE STORY «THE CATCHER OF PEOPLE» BY E. I. ZAMYATIN**

Abstract. The article considers the literary technique of missed associations and its potential for better understanding of the story message through the cooperation of the author and the reader. The analysis of the story of E. I. Zamyatin shows that the use of the literary technique of missed associations contributes to the expression of the text idea through completion by the reader of the thought deliberately missed by the author.

Keywords: literary technique, association, missed association, story, message, cooperation of author and reader.

Анализ художественных приемов создания литературного произведения – один из эффективных способов постижения авторского замысла. К сожалению, проблема использования приема пропущенных ассоциаций в литературе до сих пор не получила всестороннего освещения. Одним из писателей, достаточно глубоко изучающих возможности и особенности применения различных видов художественных приемов в прозе является Е. И. Замятин. Он рассматривает произведение как результат, создающийся в акте отправления (автором) и получения (воображаемым читателем). Автор считает, что сущность деятельности писателя должна быть направлена на организацию воспринимающего сознания. Таким образом, язык писателя позволяет ему включиться в актуальный лингвофилософский разговор о знаковой природе мышления, о соотношении знака и смысла, внешней и внутренней речи.

Л. С. Выготский, занимавшийся вопросами происхождения внутренней речи, отмечал, что при ее переводе во внешнюю происходит «переструктурирование», сложная динамическая трансляция с одного языка на другой [1, с. 163]. Можно сказать, что Е. И. Замятин иллюстрирует это «переструктурирование», увязывая принцип изображения «мысленного», т.е. внутреннего языка героев, с импрессионистическими приемами – «приемом пропущенных ассоциаций», «приемом реминисценций», «намёков», «ложных отрицаний и утверждений» и др. Попытаемся раскрыть сущность «приема пропущенных ассоциаций» и покажем возможности его использования в рассказе Е. И. Замятина «Ловец человеков».

В статье «О языке» Е. И. Замятин характеризует «прием пропущенных ассоциаций» как намеренно упускаемую мысль, играющую во фрагменте или в целом произведении ведущую роль, и вместо нее дает второстепенные, побочные [3, с. 341–348]. При этом мысли выбираются не случайно, а непременно так, чтобы путем ассоциаций неизбежно заставили читателя воспроизводить пропущенную центральную, высказанную автором не прямо, а «между строк». Рождению ассоциации способствуют такие художественные приемы создания текста, как повтор, контраст, деталь, обращение к библейским мотивам и подтекстам, психологизм, контраст, символизм, игра с масштабом. Отправной точкой для создания читательских ассоциаций становится действие. Часто пропущенные ассоциации рождаются на основе действий героев.

Использование приема пропущенных ассоциаций нередко приводит к тому, что автору нет необходимости рассказывать о своих героях, они сами показывают то, что нужно автору, то, что является его замыслом. В произведениях Е. И. Замятина, где нередко используется данный прием, можно говорить о сотворчестве автора и читателя. Это происходит потому, что творчество читателя регулируется автором, хотя и на подсознательном уровне. Автор как бы обозначает основные вехи мысли, а достраивает ее читатель. Поэтому есть необходимость говорить о сотворчестве писателя и читателя, которое определенным образом регулируется автором.

Возможности применения приема пропущенных ассоциаций в рассказе Е. И. Замятина «Ловец человеков» самые разнообразные. Анализ позволяет выделить несколько опорных слов для ассоциаций, выделенных самим автором: «рыцарь Хэг», «колясочки», «взошла наверх – окошко», «лебедино-белый», «оттопыренные лепестки», «угольная пыль, малиновая вселенная» [2, с. 484–502].

Опорное словосочетание «Рыцарь Хэг» обращает внимание на следующие ассоциации: «Снаружи, у дверей церкви, была могила рыцаря Хэга, некогда обезглавленного за папизм: на камне, в каменных доспехах, лежал рыцарь без головы. И здесь, возле

утратившего голову рыцаря, сгруппировались женщины вокруг органиста Бэйли» [2, с. 2]. Больше о рыцаре Хэге в тексте не упоминается. Но он, во-первых, имеет очевидную близость с образом Бэйли, а, во-вторых, связывается в произведении с христианским лейтмотивом. Полагаем, что для пояснения этого образа нужна другая цитата из текста, так как отдельно он может быть интерпретирован очень широко: начиная с того, что Бэйли потерял голову от любви, до некоторого символа, предопределяющего конец его жизни. «Бэйли ...подбежал, стиснул руку мистеру Краггсу и сиял в него глазами – было почти слышно: «Милый Краггс, единственный в мире Краггс, и вас – и вас тоже, обожаемый Краггс...» [2, с. 5]. Краггс для Бэйли, с точки зрения обычного человека, враг, который стоит на пути его счастья с любимой женщиной, оскорбляет его. Но Бэйли любит его, своего врага. После того, как ему дали своего рода «пощечину» – прилюдно объяснили, что его внимание нежелательно, Бэйли перестал быть наполненным солнцем, он расстроился, но уже через несколько мгновений простил обоих: и Лори, и Краггса – и вновь полюбил их. Возвращаясь к образу рыцаря, можно сказать, что Хэг пострадал за веру, и, в конечном счете, за любовь ко всему миру, любовь в христианском понимании. Все это черты, присущие и Бэйли. Если сложить эти фрагменты, заметна определенная параллель, проведенная между Христом и Бэйли. Автор достигает этого впечатления, вводя в текст библейские мотивы и подтексты, галерею образов, которые ассоциируются с героями Библии. Бэйли в восприятии читателя становится в эту галерею, ищет какой-либо «прототип». Дано в кавычках, так как этой ассоциацией образ Бэйли не ограничивается. Часть его связана с другой пропущенной ассоциацией – «оттопыренные лепестки».

В рассказе дважды встречается слово «оттопыренные»: «букет чайных роз, с оттопыренными, отогнутыми по краям лепестками» и «голова, с удобными, оттопыренными и по краям завернутыми ушами» [2, с. 3]. Контекст употребления слова схож, поэтому рождается связь между букетом роз и Бэйли. Герой должен ассоциироваться с розами, лепестки которых падают на лестницу Лори как нечто красивое, изящное. Как то, что действительно станет для нее символом Бэйли, их любви: лепестки букета Бэйли она прячет в конвертик, а конвертик в шкатулку, как привыкла прятать все, что ей дорого. Но сходство края ушей и лепестков роз физиологическое; в итоге Бэйли и роза становятся единым целым, образы наплывают друг на друга в нашем воображении. Получается человек с лицом цветка, что вполне в духе художников модернизма или «синтетизма», как называл это Е. И. Замятин в статье «О синтетизме», когда одно переливается в другое и становится «каким-то удивительным третьим, большим, чем сумма того, из чего получилось» [4]. Эту мысль можно пояснить уже сейчас, когда в Бэйли соединяются и Христос, и розы. А если включить в этот перечень другие образы из текста, соотносимые с героем, то ряд можно

дополнить картоном, рыцарем, солнцем, жеребенком, обезьяной, обвислым костюмом из магазина готового платья. И все это характеристики Бэйли. Полный хаос синтетизма, результатом которого становится более точное воспроизведение мира. Упоминание модернизма в связи с этим образом оправдано, так как одна из статей Е. И. Замятина, «О синтетизме», была написана в качестве предисловия к сборнику Ю. Анненкова «Портреты» [4]. В ней одна из картин – портрет Щеголева – описывается теми же словами, что и Бэйли, и становится понятно, что Е. И. Замятин соединял портрет художника-модерниста и образ героя. Итак, приемом, порождающим ассоциацию, здесь становится повтор.

Опорное слово «колясочки». Эта ассоциация связана с героиней повести Лори. Миссис Краггс – единственный персонаж во всем произведении, имеющий биографию. Мы знаем, что она женщина, родившаяся в бедной семье, ей удалось сделать хорошую партию – выйти замуж за обеспеченного мистера Краггса. О глубоких чувствах к нему речи не идет: она тщательно моет щеку после его поцелуя; ей нужно подтверждение собственного счастья от других людей, чтобы быть счастливой. И внешне они – прекрасная, гармоничная пара: Лори – прекрасный барельеф, украшающий «монументик» мистера Краггса. Но она несчастна. Она хочет детей. Именно эта характеристика, выходящая за рамки материального и низкого, доносится с помощью пропущенной ассоциации. Нигде в тексте не сказано, что Лори хочет детей, зато показано не единожды. «На мраморном челе миссис Лори было две легчайших темных прожилки-морщины» [2, с. 6], об этом упоминается после замечания Фиц-Джеральд, что Лори счастлива, если у нее нет детей и волнений, с ними связанных. Сама Лори вспоминает о своем возрасте, ей тридцать два года. Но ключевым является упоминание о том, что «миссис Лори сквозь прозрачнейшие стекла окна наблюдала шествие бесчисленных колясочек по асфальту» [2, с. 6]. Потом она поднялась в спальню, спустилась, снова уселась в столовой, наблюдая шествие бесчисленных колясочек. И наконец после того, как она выбросила букет, Лори услышала «... такой смешной, детский, хлюпающий плач» [2, с. 6]. Все это приводит к мысли, что героиня, которую поймал в свои сети Краггс, не настолько грешна, как кажется. Здесь мы встречаемся с повтором, который акцентирует внимание на действиях Лори. Но есть и другой прием – психологизм, когда автор не рассказывает, а показывает действия героя. Этот показ был чрезвычайно важен для Е. И. Замятина и как художественный прием, и как часть его взаимоотношений с читателем.

В рассказе Е. И. Замятина «Ловец человеков» есть еще одна опора: «взошла наверх – окошко». Эта ассоциация касается не столько характера героини, сколько ее отношения к Бэйли. Читателю всеми средствами показывают, что Лори не нравилось его внимание. Но контекст пропущенной ассоциации говорит об обратном. Она встретила Фиц-Джеральд, которая предположила, что одна из ее дочерей сейчас за городом с Бэйли. После этого Лори

поднялась из столовой в спальню, чтобы поднять штору. «Почему-то» ей необходимо было поднять штору, хотя окно и так было открыто, комната проветривалась. Ответ, как кажется, кроется в том, что, только подняв штору, Лори могла проверить слова Фиц-Джеральд, ведь Бэйли постоянно «портит пейзаж» под ее окнами. Это было неосознанной реакцией на ее слова. Так мы осознаем, что Бэйли был небезразличен главной героине. Автор намекает на это с помощью психологизма, заставляя вновь следить за действиями главной героини.

Обращаясь к опорному слову «лебедино-белый», с помощью пропущенной ассоциации мы понимаем других героев – Адама и леди Яблоко. Она важна в осмыслении всего рассказа, так как показывает, насколько извращенно представление о праведниках и грешниках, о хорошем и плохом в Лондоне, созданном Е. И. Замятиным. Этот эпитет относится к эпизоду, когда мистер Краггс ловит любовников, очевидно, предающихся греху. Здесь важно описание сумерек: «...там, внизу, все быстро лохматело, все обрастало фиолетовой ночной шерстью: деревья, люди» [2, с. 5]. И Краггс превращается в крысу. На фоне всего этого фиолетового и лохматого посередине «смоляного» пруда «пронзительно белеет наготой» пара лебедей [2, с.5]. Параллельно этому «лебедино» белеют руки и ноги леди Яблоко. Белеющая нагота лебедей раскрывается буквально – руки и ноги и правда нагие, белые. На наше восприятие в этом эпизоде влияют сразу два ярких контраста – цветовой и символический – фиолетовое, черное и белое, крыса и лебеди. Белый – символ чистоты, истины, невинности, жертвенности или божественности. Лебедь – «романтический, противоречивый символ света, смерти, преображения, поэзии, красоты и меланхолической страсти» [2, с. 4]. Этим символам противостоит образ крысы, символ «разрушения и жадности». Черный, как символ «тьмы, невежества, отчаяния, скорби и зла», и фиолетовый, как символ переходности от активного к пассивному, от жизни к смерти. Так, с помощью контраста и символа читателю показывают, что Адам и леди Яблоко в этих фантазмагорических сумерках совсем не грешники, они чисты, а тот, кто борется с пороком, на самом деле порочен сам.

На такую интерпретацию мистера Краггса толкает другая пропущенная ассоциация, которая не названа автором, но которая, на наш взгляд, ею является. Данная ассоциация передается через опорное словосочетание «брюки Мистера Краггса; Чугунный». О брюках сказано, что они «короткое, обрубленное, кубическое существо, составленное только из ног, брюха и прочего принадлежащего». Они живые: «... снимутся, и пойдут вышагивать – между людей и по людям, и расти – и...» [2, с. 4]. Описание обрывается незаконченной фразой, пока автор не говорит, что случится, представляя свободу читательскому воображению. Но здесь явно виден метонимический прием Гоголя, когда часть заменяет целое (пример «Нос»). Таким образом, мы можем связать Краггса с крабом, на которого

похоже описание брюк, фонетическое звучание фамилии героя. Но есть и вторая линия ассоциаций о брюках и Крагтсе. Она связана с развитием событий в Лондоне. В том хаосе, который описывает автор, город бомбило «обрубленное существо – ноги и брюхо» [2, с. 5]. Так получается, что брюки окончательно оживают, становятся существом с чугунными ступнями, которые раньше могли быть только у чугунного монументика Крагтса, и начинают разрушать город. Это существо показывается абсолютным злом, которое не просто проворачивает махинации, ловит в свои сети праведников, а лишает жизни. С этим существом связан Крагтс, который становится огромным на фоне муравьишек-людей и даже всего города. Он не лишает жизни, ему все равно, куда упадет бомба – на человека или дорогу, на дом – главное, что-то будет разрушено. Здесь видна игра с масштабом, что вновь возвращает нас к рисункам Анненкова и других модернистов.

Охарактеризуем еще одно опорное словосочетание «Угольная пыль, малиновая вселенная», которая также раскрывает ассоциацию. Малиновая вселенная появляется в тексте в двух эпизодах: впервые под зонтиком Леди Яблоко, во второй раз – во время последней встречи Лори и Бэйли. Интересен цвет – малиновый. В своей статье «О синтетизме» Е. И. Замятин пишет, что малиновый цвет объясняется просто: таким получается свет, когда проходит через малиновый зонтик, и такого цвета же в городе Е. И. Замятина отблески огня [4]. Ведь говорится, что рядом с домами Бэйли и Лори упала бомба. Они освещены светом пожара, угольная пыль – остаток кучи каменного угля со двора Бэйли. Но у этого есть и другое, символическое значение, то, что автор не говорит, но на что намекает. Малиновый – цвет любви, срасти. В обоих случаях малиновая вселенная существует для двоих. Только во второй раз рядом с ней находится угольная пыль, то, что символизирует разрушение, причиненное злом. Мы видим противоборство двух сил – «зла» и «любви». «Любви», которая возникла в момент разрушения, даже благодаря ему. И «любви» в широком смысле, связывающей разные пары, созидающей, а не разрушающей. Сложно сказать, что автор говорит о победе «любви» над «злом», но ассоциативно связывая леди Яблоко, Адама, Лори и Бэйли, кучу угля до разрушения и угольную пыль, автор утверждает существование созидания в собственном мире хаоса.

Таким образом, как видно из приведенного анализа, автор рассчитывает на читателя в достраивании образов персонажей, их мыслей и чувств. Но данный процесс в большей мере просчитан, воспринимающий человек подталкивается к определенной мысли. Трудно сказать, соединит ли читатель те вехи мысли, однако если у него это получится, воздействие текста будет большим, так как к процессу познания присоединится процесс творчества. Именно ради этого сильнейшего воздействия Е. И. Замятин использует прием пропущенных ассоциаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л. С. Мышление и речь. – М.: «Лабиринт», 1999. – 352 с.
2. Замятин Е. И. Ловец человек // Собрание сочинений в 5 т. – М.: Русская книга, 2017. – Т. 1. – С. 484–502.
3. Замятин Е. И. О языке // Собрание сочинений в 5 т. – М.: Республика, 2011. – Т.5. – С. 333–356.